

НА БАРХАНЕ

Заметки натуралиста

Я ПРИСЕЛ отдохнуть на вершине бархана, чтобы заодно сделать необходимые полевые записи в полевом дневнике. Охваченная солнечным огнем пустыня раскалилась. Вокруг стояла гнетущая тишина, словно все живое выгорело. Только многочисленные цепочки следов говорили, что жизнь здесь есть. Что здесь есть много всякой всячины, только вот сейчас, в такой зной, все бегающие, ползающие и летающие куда-то попрятались.

Занимаюсь делами и вдруг краешком глаза замечаю, как из полукруглой норки, темнеющей под кочкой с кустиком полыни, высунулась плоская головка ящерицы — песчаной вертихвостки. Знаю, что здесь этих круглоголовых ящериц великое множество. Поэтому не удивляюсь, что у меня на это короткое время появилась соседка по бархану.

Оглядевшись немного, она метнулась к ближнему кусту джузгуна и внезапно затаилась, припав брюшком к горячему песку. Лежит такая же по цвету, как песок, как и вся эта пустыня. Словно и не живое существо, а живая капелька песков.

— Полежи, погрейся, кесось продрогла в норке своей. Можно подумать, что у тебя там холодильник, когда вокруг такая жара. Не залежишься долго, голубка, на таком песке.

И, правда, не долго лежала: с той же проворностью

она вдруг шмыгнула в мою сторону и спряталась в тени у моих ног.

— Вот это другое дело, — говорю, — наслаждайся временной прохладой, пока я делами занимаюсь.

Пишу, а сам нет-нет и посмотрю, что она делает. Ящерица, как и в первый раз, лежит не двигаясь, только головку сносила, все на меня поглядывает: что я такое, что так тени много? Лежит, затаилась, и совершенно с песком слилась, словно сама из него слеплена и поэтому не кажется живой.

Время от времени она отрывала сомкнутые ноздри, делала несколько глубоких вдохов и на минуту-две замирала, не проявляя никаких признаков жизни, словно погружалась в воду. Но вот ящерица привстала на передние лапки, широко расставив в стороны локти, слегка горбится и вздергивает хвост как верстовой столб, исполосованный снизу черными и красно-оранжевыми полосами. Затем она скатывает его к спине калачиком, и точно серебряный щенок отчаянно машет им из стороны в сторону.

Похоже было, что это крошечное существо признало во мне друга. Я хлопнул ладонью по голенищу сапога, подзывая ее поближе. Но в тот же миг, расплескивая жидкий песок, она пулей влетела в свою норку.

Б. ЩЕРБАКОВ.